

А.Т. МУСТОЯПОВА

Карагандинский университет имени Е.А. Букетова

e-mail: mustoyanova2017@gmail.com

**КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ
ТОНИ МОРРИСОН «САМЫЕ ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА»**

Аннотация. В статье осуществлен анализ проблематики романа Нобелевского лауреата 1993 года Т. Моррисон «Самые голубые глаза» в рамках критических теорий культурной травмы и концепции идентичности. Автор статьи акцентирует внимание на понятии травмы как предмете исследования, способах ее выражения и преодоления посредством создания нарративов. Обзор литературы позволяет определить степень разработанности теории культурной травмы и проблемы идентичности в современном литературоведении. В качестве объекта анализа выступает образ главной героини и переживаемый ею кризис идентичности. При рассмотрении художественного текста особое внимание уделяется способам и формам презентации травматического опыта и его разрушительного воздействия на идентичность человека. Предпринятый в данной статье анализ осуществлен в контексте вопроса развития афроамериканской литературы в 1960-1970-е годы, т.е. на пике движения афроамериканцев за гражданские права. Содержание статьи способствует проблематизации вопросов, включенных в поле теории культурной травмы, и актуализации проблемы идентичности маргинальной, некогда дискриминируемой социальной группы. Этим обстоятельством обусловлена актуальность статьи, анализ нарратива о травме которой применим не только для литературоведческого анализа, но и для исследований индивидуальной и коллективной травмы в социологии, психологии, а также в области междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: культурная травма, идентичность, дискриминация, афроамериканец, маргинальность.

Введение

На волне борьбы афроамериканцев за свои гражданские права в 1960-1970-е годы в литературу вошли многие афроамериканские писатели, внесшие значительный вклад в изображение жизни, проблем, чаяний афроамериканцев. Одним из ярких представителей этой плеяды писателей является лауреат Нобелевской премии по литературе 1993 года Тони Моррисон. Она придавала важное значение изучению идентичности афроамериканцев и их изображению в литературе, поскольку, по ее убеждению, до 1970-ых годов они не были в должной мере представлены в литературе США. Т. Моррисон в своих романах раскрывает природу рабства и расизма с точки зрения их воздействия на современных афроамериканцев.

* Цитируйте нас правильно:

Мустояпова А.Т. Культурная травма и проблема идентичности в романе Тони Моррисон «Самые голубые глаза» // Yassawi Journal of Philology. – 2026. – №1 (1). – Б. 200-214. <https://doi.org/10.47526/2026-1/3107-3085.17>

*Cite us correctly:

Mustoiapova A.T. Kulturnaia travma i problema identichnosti v romane Toni Morrison «Samye golubye glaza» [Cultural Trauma and the Problem of Identity in Toni Morrison's Novel "The Bluest Eyes"] // Yassawi Journal of Philology. – 2026. – №1 (1). – B. 200-214. <https://doi.org/10.47526/2026-1/3107-3085.17>

Дата поступления статьи в редакцию 06.01.2025 / Дата публикации 30.03.2026

В романе «Самые голубые глаза» [1], опубликованном в 1970 году, писательница использует новый подход в изучении расовой иерархии и расовых стереотипов, акцентируя внимание на тех следах, которые они оставляют в психологии, ментальности, системе ценностей афроамериканцев.

Этот дебютный роман Т. Моррисон опередил исследования в области теорий травмы и идентичности, и данным обстоятельством во многом был обусловлен тот факт, что произведение не было прочитано адекватно. В нем увидели, прежде всего, очередную драматическую историю афроамериканца, страдающего от расовой дискриминации. Однако романистка ставила более фундаментальные вопросы, касающиеся уязвимых мест в идентичности афроамериканцев. Постановка вопросов Т. Моррисон обусловила выбор анализа определенного аспекта романа.

Используемые при анализе произведения такие критические подходы, как теория культурной травмы и концепция идентичности, позволили раскрыть новые грани романа и рассматривать его как нарратив о травматическом опыте, его отражении в идентичности сообщества и отдельного человека. Так, в данном исследовании внимание сосредоточено на изображении в романе проблемы идентичности, обусловленной трагическим прошлым афроамериканского сообщества и существовавшими еще продолжительное время после отмены рабства дискриминационными практиками. В анализе романа индивидуальная травма героини, переживаемый ею кризис идентичности рассматривается как следствие культурной травмы, переживаемой сообществом.

В трудах исследователей, разрабатывающих теорию травмы (К. Карут, Дж. Александер, А. Нил, Р. Айерман, Н. Смелзер и др.), рассматриваются индивидуальная и коллективная травмы. Коллективные травмы переживаются сообществом, перенесшим травматический опыт. Этот опыт обычно связан с историческими, социальными катаклизмами и событиями, наносящими непоправимый физический, психологический урон сообществу. К подобного рода событиям можно отнести массовый голод, геноцид, рабство, вынужденную массовую депортацию и др. Важным признаком коллективной травмы становится то, что она передается следующим поколениям этого сообщества.

На сегодняшний день существует немало исследований, которые рассматривают различные аспекты проблем травмы и идентичности в творчестве Т. Моррисон и романе «Самые голубые глаза». Исследователи используют разные критические подходы и теории: гендерный подход; расово-контекстуализированные модели исследований травмы и психоанализа; теория травмы К. Карут, Э.Дж. Шрайбер и др.; клиническая теория; теория посттравматического стрессового расстройства; теория экологических систем Бронфенбреннера; компаративистский анализ; травма расово-флективного языка; теория эпигенетики; концепция микроагрессии Честера Э. Пирса; метод контент-анализа и др.

Травма и идентичность в романе Т. Моррисон исследуются с точки зрения чернокожего феминизма (В. Ваджиран и Т. Априяни); идентичности персонажей романа (И. Донелли и Г. Матас); жестокого обращения с детьми и детской травмы (А. Харбе); идентичности и положения в обществе чернокожих женщин в контексте вопросов расы, пола, класса (Р. Макаблех и А. Аккави); психологического стресса как следствия дискриминации (Д. Рутрай, Дж. Куан); травмы и исцеления (Э.Д. Макдоннелл, Р.Р.М. Гомес); травмы как результата воздействия расово окрашенного языка (Дж. Ким); анализ читательских реакций на изображение травмы в романе (Х. Лопес); сравнительный анализ изображения травмы в других романах Т. Моррисон (Н. Килич) и произведениях других авторов (С.Б. Бербар; М.С. Аланази); травма как результат эмоционального, психологического насилия и влияния среды (М.И. Нриагу; М.Л. Хейз); системный расизм, сексизм и межпоколенческая унаследованная травма; травма как следствие расового, классового, полового угнетения (С.Б. Роуз, Р. Кавита, Р. Мвале).

Для анализа проблемы идентичности главной героини романа «Самые голубые глаза» определяющим фактором становится коллективная травма ее сообщества, которая отражается как на физическом, так и на ментальном здоровье общества, нации и его отдельных индивидов. Травма является реакцией на исключительные события, которые приводят к радикальной трансформации ментального поля [2, с. 98]. А. Нил утверждает, что в случае непроработки пережитый травматический опыт приводит сообщество или отдельного человека к состоянию тревоги, гнева или страха. Продолжающееся воздействие травмы обусловлено тем, что «она осталась не увиденной и не засвидетельствованной позднее» [3, с. 576].

Поскольку коллективная травма не ограничивается физическим воздействием на членов сообщества, а затрагивает их ментальное поле, связанное с культурой, традициями, социальными отношениями, представлением о добре и зле и т.п., то такую травму называют культурной. Н. Смелзер связывает культурную травму с агрессивным событием, которое «подрывает или подавляет один или несколько основных компонентов культуры или культуры в целом» [4, с. 38]. Р. Айерман отмечает, что «в отличие от психологической или физической травмы... культурная травма относится к резкой потере идентичности и смысла жизни, разрыву социальной структуры, затрагивающему группу людей...» [5, с. 61]. Ученый настаивает на необходимости процесса проработки травмы, ее эмоциональном переживании. Тони Моррисон показывает в романе, как непроработанная культурная травма прошлого трагическим образом отразилась на судьбе ее героини.

Немаловажным аспектом для понимания происходящего с героиней романа становится переживаемый ею кризис идентичности. Стюарт Холл отмечает, что поскольку идентичность есть процесс, то ее конструирование связано не только с текущими событиями, но и с прошлым. Идентичность тесным образом связана с культурой сообщества, и пережитое сообществом травматическое событие приводит к резкому смещению привычных смыслов, изменению системы ценностей сообщества [6]. Исследователь отмечает, что идентичность сообщества отражает общий исторический опыт и общие культурные нормы. Другой важный для данного исследования тезис С. Холла заключается в следующем: навязывание сообществу чувства отчуждения от себя, идеи инаковости, оценки себя как отклонения от нормы, считает С. Холл, меняет привычное понимание концепта «культурная идентичность».

Дж. Александер говорит о важности в процессе формирования коллективной идентичности символической конструкции травмы, что позволяет определить источник переживаемого индивидом психологического дискомфорта [7]. Р. Айерман также связывает культурную травму и идентичность афроамериканцев: «Травма, о которой идет речь, – это рабство, не как институт или даже опыт, а как коллективная память, форма воспоминания, которая лежит в основе формирования идентичности народа» [5, с. 60].

Проблемы культурной травмы и идентичности являются актуальными для отечественного литературоведения. Исследователи рассматривают разные аспекты культурной травмы и идентичности, в том числе на примере художественных текстов. Б.С. Бегманова анализирует отражение национальной идентичности в современной поэзии [8]; А.Т. Кембаева, О.С. Жұбай и С. Екер исследуют воплощение национального менталитета в художественном и публицистическом дискурсе Ш. Муртазы [9]; Р.А. Маткеримова, А.К. Калиева и А. Хабибулла выявляют связь между пространственными образами и идентичностью героя и его внутренним кризисом [10]; И.В. Крупко и С.А. Эшімова рассматривают концепцию множественной идентичности в историософских произведениях О. Сулейменова [11]; А.А. Айтенова и С.З. Қайратұлы [12], М. Ержан и А.Р. Масалимова [13] актуализируют теорию травмы для исследования постсоветской идентичности в свете травмирующих эпизодов национальной истории; Л.М. Демесинова и Ж.М. Әубәкір рассматривают концепцию Абая «толық адам» сквозь призму исследований травмы [14].

В статье использованы посвященные роману Т. Моррисон «Самые голубые глаза» исследования следующих авторов: Соломон О. Иэсер и Марлу В. Иэсер [15], Филип Пейдж [16], Малин Вальтер Перейра [17], Мохамед Фатхи Хелали [18], Салам Хусейн Яхья [19].

Исторический контекст является значимым для понимания истоков культурной травмы и, как следствие, причин трагедии, случившейся с героиней анализируемого романа. После отмены рабства афроамериканцы не стали полноправными гражданами страны, они продолжали подвергаться расовой дискриминации. И в начале 1940-ых годов (когда происходят события романа), и в 1960-ые годы (десятилетие, предшествовавшее публикации романа), несмотря на немалое количество так называемых «невольничьих повествований», трагическое прошлое афроамериканцев не было до конца проработано. Т.е. происшедшее с сообществом не рассматривалось с точки зрения культурной травмы с ее продолжающимся разрушающим воздействием на ментальность новых поколений и, как следствие, их самоидентификацию. Роман Т. Моррисон стал попыткой разобраться в сложной взаимосвязи истории прошлого, культурной травмы сообщества и проблемы формирования идентичности юных афроамериканцев.

Цель статьи заключается в исследовании истоков травмы, лежащей в основе переживаемого главной героиней романа кризиса идентичности. Задачи, которые решаются в статье, заключаются в определении природы, форм выражения культурной травмы; выявлении признаков негативного влияния культурной травмы на идентичность членов сообщества, пережившего травматический опыт; фиксации следа культурной травмы прошлого; обнаружении связи между неотрафлексированной культурной травмой сообщества и кризисом идентичности отдельной личности. Выдвигаемая гипотеза состоит в утверждении тесной связи трагической судьбы отдельной личности с культурной травмой сообщества и дискриминационными социальными отношениями, на которых зиждется идентичность, поведенческие нормы, этические и эстетические представления сообщества.

Научная новизна исследования заключается в комплексной интерпретации романа Тони Моррисон «Самые голубые глаза» через призму культурной травмы как системообразующего фактора формирования кризиса идентичности героини. Индивидуальная травма героини рассматривается как производная коллективной травмы афроамериканского сообщества, а не как результат лишь семейного насилия, бедности или психологической уязвимости. Обоснована причинно-следственная связь между непроработанной коллективной травмой рабства и кризисом идентичности нового поколения, живущего спустя столетие после отмены рабства. Уточнено понимание кризиса идентичности как следствия не потери идентичности, а закрепления в ней травматических смыслов и вынужденного самоотчуждения. Таким образом, новизна исследования состоит в обосновании романа как текста, демонстрирующего межпоколенческий механизм воспроизводства культурной травмы и ее структурное влияние на формирование идентичности молодых членов сообщества. Материал статьи, а именно анализ нарратива о травме, может представлять интерес не только для литературоведов, но и для исследований индивидуальной и коллективной травмы в социологии, психологии, области междисциплинарных исследований.

Результаты исследования позволяют оценить значение романа Т. Моррисон «Самые голубые глаза» в раскрытии механизмов работы культурной травмы и сложного процесса формирования идентичности афроамериканцев, связанного с долгим периодом рабства и последующей расовой дискриминации. Доказана определяющая роль культурной травмы в формировании кризиса идентичности героини. Анализ кризиса идентичности главной героини позволил сделать вывод о том, что ее травма является следствием непроработанной культурной травмы афроамериканского сообщества, связанной с историей рабства и последующей продолжительной расовой дискриминацией. Продемонстрирован механизм межпоколенческой передачи культурной травмы. Выявлено, что травматический опыт

рабства функционирует как коллективная память, закреплённая в системе ценностей, поведенческих нормах и эстетических установках сообщества, и передаётся новым поколениям вне зависимости от их непосредственного участия в травматическом событии. Показано, что кризис идентичности героини обусловлен двойным отчуждением: со стороны доминирующего общества; внутри афроамериканского сообщества, где воспроизводятся модели восприятия «черноты» как отклонения от нормы, закрепляются травматические смыслы, нормализуется уязвимое положение и внутреннее самоотчуждение. Определена функция романа как нарратива проработки культурной травмы, формы символической реконструкции травматического прошлого сообщества посредством перевода травмы из состояния латентной коллективной памяти в пространство рефлексии. Исследование позволяет подтвердить гипотезу о тесной взаимосвязи кризиса идентичности отдельного индивида с культурной травмой сообщества.

Некоторые ограничения исследования связаны с особым вниманием автора именно к исторической и коллективной детерминации кризиса идентичности героини, а также рассмотрению романа как нарратива о травме и способа ее проработки. Данный подход обусловлен целью исследования и, безусловно, оставляет за рамками исследования иные интерпретационные перспективы. Кроме того, исследование не предполагало анализа истории сообщества (опыт рабства и дискриминационных практик после его отмены) и архивных источников, поэтому выводы носят интерпретационный характер.

Методы исследования и материалы

Методологической основой статьи является теория травмы, разработанная в трудах К. Карут, Дж. Александера, Р. Айермана и Н. Смелзера. Данная теория позволяет анализировать индивидуальную травму как следствие коллективного исторического опыта сообщества. Кроме того, важный теоретический инструментарий предоставляет идея С. Холла о травме, которая представляет собой не состояние, а процесс. Историко-типологический метод используется автором статьи для выявления связи между историческими условиями (рабство, сегрегация, расовая дискриминация) и кризисом самоидентификации главной героини анализируемого романа. Когнитивный подход позволяет рассматривать отражение травматического опыта в самооценке и поведенческих моделях героини. Системный подход обеспечивает рассмотрение трагедии героини как результата комплексного взаимодействия социальных, культурных и психологических факторов. Культурно-материалистический анализ направлен на выявление в художественном тексте механизмов воспроизводства расовых иерархий. Герменевтический анализ применяется для раскрытия способов репрезентации травматического опыта.

Материалом анализа является роман Тони Моррисон «Самые голубые глаза».

Анализ и результаты

В отличие от многих авторов-афроамериканцев в романе «Самые голубые глаза» Тони Моррисон не просто освещает проблему расового антагонизма, а акцентирует внимание на его последствиях и влиянии на идентичность, социальные отношения, формирование системы ценностей и психологию афроамериканцев. Под понятием «афроамериканец» Р. Айерман подразумевает исторически сформировавшуюся коллективную идентичность, в которой центральное место занимает память о рабстве не столько как индивидуальный опыт, сколько как коллективная память. Ученый отмечает, что независимо от того, испытал ли конкретный человек рабство или нет, оно определяло его самоидентификацию как афроамериканца, т.е. африканца, оказавшегося в Америке из-за системы рабовладения. «Именно в рамках этой идентичности непосредственный опыт, идентификация «бывшая рабыня» или «дочь рабов» стали функциональными и общедоступными в качестве коллективной и общей памяти, объединяющей всех чернокожих в Соединенных Штатах», – пишет исследователь [4, сс. 76–77].

Следует отметить, что романе «Самые голубые глаза» не изображаются антагонистические отношения американцев разных рас, но Т. Моррисон показывает, какие последствия имел расизм и как он продолжал формировать систему социальных отношений и ценностных ориентиров в сообществе афроамериканцев. В эссе «Игра в темноте» Т. Моррисон отмечает важность размышления «о расизме с точки зрения его последствий для жертвы...» [20, с. 1166]. Эта перспектива станет определяющей в анализируемом романе. Более того, главными героинями романа писательница изображает женщин, поскольку считает, что они представляют наиболее маргинализированные слои общества (даже по сравнению с мужчинами-афроамериканцами). В романе «Самые голубые глаза» Т. Моррисон вывела афроамериканскую женщину из положения «внутри» мужского «белого» дискурса. Писательница сосредоточила свое внимание на изображении внутреннего мира героинь, их субъективном восприятии окружающей действительности. В полной мере по отношению к Т. Моррисон можно отнести слова Ю. Кристевой о том, что женщины, пришедшие в феминизм после мая 1968 г., «принесли с собой свой эстетический или психоаналитический опыт...» [21, с. 19]. Данный подход обусловил определенную оптику, восприятие и средства художественного изображения афроамериканки. Т. Моррисон попыталась сломать традицию англосаксонского повествования и исследовать идентичность афроамериканцев «изнутри», предоставив им право «голоса».

Тони Моррисон создает повествование, в котором убедительно демонстрирует, что не только давно ушедшее рабство оставило след в идентичности афроамериканцев, но и обусловленные им расовая дискриминация и практика сегрегации продолжают разрушать ментальное поле новых поколений и закреплять как норму их заниженную самооценку. Исходя из теории травмы, внимания заслуживает травматическая составляющая идентичности афроамериканцев. Дж. Александер отмечает, что культурная травма, которая является следствием пережитого сообществом в качестве жертвы некоего ужасного события, сохраняется в виде воспоминаний в групповом сознании и отражается на ее идентичности [6]. Т. Моррисон в романе «Самые голубые глаза» исследует воздействие перенесенной сообществом травмы рабства на идентичность поколений, живущих спустя век после его отмены, и пытается понять, как и какие механизмы задействованы, продлевая воздействие травмирующего опыта.

Поскольку героями романа Т. Моррисон являются афроамериканцы, необходимо учитывать тот исторический, социальный, культурный контекст, который нашел отражение в их идентификации. Культурная травма афроамериканцев представляет собой сложный феномен, имеющий глубокие исторические корни. Травматическая составляющая афроамериканцев стала следствием истории сообщества, связанной с насильственным перемещением в Америку и рабством. И хотя Р. Айерман считает, что «идентичность афроамериканцев сформировалась в период после гражданской войны, после отмены рабства», он признает, что именно «рабство было травмирующим в ретроспективе и сформировало «изначальную сцену», которая потенциально могла объединить всех «афроамериканцев» в Соединенных Штатах... Рабство легло в основу зарождающейся коллективной идентичности...» [4, с. 60]. Для многих поколений афроамериканцев рабство было фундаментальным опытом, формирующим их идентичность и мировоззрение. Рабство и связанные с ним социальные практики нанесли страшный урон коллективной идентичности афроамериканцев.

Фактором, который продлил травматический опыт рабства, стало то обстоятельство, что, хотя рабство было формально отменено, его последствия продолжали еще более столетия влиять на жизнь, самооценку, поведенческие нормы афроамериканских граждан США. С отменой рабства эксплуатируемая часть населения не приобрела гражданские права в полном объеме, так и оставшись низшим социальным слоем, который подвергался расовой дискриминации. Проявление расизма, сегрегации после Гражданской войны способствовали

продлению тех условий, которые обусловили культурную травму афроамериканцев, и, тем самым, закрепляли в идентичности представителей уже новых поколений представление о дискриминации, насилии, социальном исключении как норме. Важно отметить, что не столько экономическая эксплуатация и физическое насилие, сколько воздействие на ментальность оказывало гораздо более разрушающее воздействие на мышление и психику человека. Таким образом, травмирующее воздействие рабства не прекратилось, оно трансформировалось в иные механизмы, которые порождали уязвимость, социальный пессимизм, заниженную самооценку, депрессию. Т. Моррисон показывает в романе результаты такого воздействия. Ее героини – не рабы уже в нескольких поколениях, но они становятся жертвами того, что было посеяно рабством и последующей за ним почти вековой историей расового антагонизма.

Романистка акцентирует внимание на том, как коллективная травма проявляется в ментальности потомков бывших рабов, которые на протяжении нескольких поколений продолжают чувствовать себя уязвимыми, находясь в плену комплекса неполноценности. Р. Айерман подтверждает, что для переживания травмы человек вовсе не обязательно является участником травмирующего события: «Понятие культурной травмы подразумевает, что непосредственный опыт не является необходимым условием для возникновения травмы» [4, с. 71].

Чувства отторжения, обезличивания, которые для афроамериканцев ассоциировались с пребыванием в рабстве, сохранились в памяти, паттернах поведения, шкале ценностей, тем самым, продлевая воздействие культурной травмы и продолжая формировать идентичность уже следующих поколений. Следует подчеркнуть, что речь идет не «потере идентичности», а о закреплении в ней следов прошедшей истории, т.е. «нормализации» уже в новых исторических условиях того уязвимого, уничижительного положения афроамериканцев, в котором они пребывали в период рабства.

Несколько изображенных Т. Моррисон персонажей романа остаются жертвами культурной травмы, т.е. их индивидуальные травмы, идентичность, трагизм судеб являются следствием травмы культурной. При этом Т. Моррисон не абсолютизирует проблему и показывает тех афроамериканцев, которые смогли минимизировать воздействие культурной травмы на собственные жизненные установки, ценности и, главное, взаимоотношения как в социуме, так и внутри семьи.

Тони Моррисон изображает последствия расового антагонизма, который отразился даже на отношениях внутри афроамериканского сообщества, отдельно взятых семей. В центре ее повествования оказываются люди, чьи судьбы демонстрируют, что расовая сегрегация делает с мышлением, поведенческими нормами тех, кто подвергается расовой дискриминации и маргинализации. Эта оптика романистки продиктовала и повествовательную манеру – рассказ от лица персонажей романа, что, безусловно, придает бóльшую убедительность роману и позволяет решить одну из авторских задач – дать «голос» угнетенным. Внутренние монологи и прием «потока сознания» позволяют изображать довербальные уровни сознания человека, фиксировать сознание во всех его проявлениях, отражая не только мысли, впечатления, воспоминания, но и страхи, ощущение отчужденности и крайнего духовного дискомфорта. Учитывая тот факт, что героиня романа переживала крайнюю степень отчуждения (от себя, семьи, одноклассников, общества), особое значение приобретает уровень не проговариваемого ею, скрытого в глубинах сознания.

В центре повествования – образ Пиколы, чья судьбу словно вобрала в себя все, что олицетворяет культурную травму сообщества. Темнокожая и, как подчеркивается, некрасивая девочка является дочерью родителей, переживших свой индивидуальный травмирующий опыт, обусловленный расовой дискриминацией, и не избывших в себе навязываемый социумом комплекс расовой неполноценности. Родители Пиколы не смогли

замкнуть на себе цепь передачи культурной травмы сообщества, и их дети унаследовали весь комплекс взглядов, оценок и, главное, отношения к себе как второсортному, недостойному, маргинальному существу. Самое разрушительное, что несет культурное травма, – это насилие над внутренним миром человека, его отчуждение от самого себя, искажение его идентичности. Культурная травма – это то, что обуславливает все без исключения стороны жизни человека, потому что она закрепляется в мышлении человека. С.Х. Яхья пишет: «Моррисон... исследует вопросы характера, семьи и уверенности в нашей нынешней реальности, где рабство явно превратилось в тяжелую проблему прошлого, однако развивается во всем, что касается настоящего» [19, с. 635].

Изображение мыслей, сознания Пиколы с отчетливостью показывает, что она смотрит на себя глазами других, воспринимая себя объектом чужого взгляда. Во взгляде мистера Якубовски на нее она «...видит абсолютный вакуум... Она замечает и еще кое-что: полное отсутствие узнавания человека человеком; этакую абсолютную отдельность, словно покрытую глазированной пленкой. Непонятно, думает она, как такие «отсутствующие» глаза вообще могут смотреть в определенном направлении?.. Однако и это ощущение абсолютного вакуума для нее не ново. У этого вакуума есть предел – где-то там, на его свинцовом дне таится отвращение. Она не раз видела, как это отвращение украдкой мелькает в глазах белых людей. Значит, оно наверняка связано именно с нею, точнее, с ее чернотой» [1, с. 77–78]. Она, даже страдая и гневаясь, все же принимает такое отношение к себе как должное. Этот испытываемый Пиколой гнев дает надежду на бунт. Т. Моррисон пишет, что гнев обладает неким смыслом, реальной сущностью и достоинством. Но гнев Пиколы не бывает долгим, и она покорно принимает существующее положение. На смену гневу приходит стыд, вскипая в душе и «мутными потоками просачиваясь в глаза».

Смирение Пиколы – это выражение отсутствия самости, субъектности, крайней степени отчуждения от самой себя. Люди ее отторгали, и поэтому пугали. Ее мир – это не мир людей, а мир предметный. «Эти и другие неодушевленные предметы она часто видела, встречи с ними испытывала на собственном опыте – это был ее мир, реальный, хорошо знакомый. Он имел свои незыблемые правила, и эти вещи способны были многое ей объяснить. И в то же время они ей принадлежали... Это были ее одуванчики, и обладание ими делало ее частью всего этого мира, а весь мир – частью ее самой» [1, с. 75–76]. Т.е. Пикола ощущала себя частью не мира людей, а предметного мира.

Отчуждение человека от самого себя есть следствие дискриминации. С. Холл подчеркивает, что особое кощунство доминирующего дискурса заключалось не только в оценке человека как «другого», отличного от нормы, но и в навязывании ему отчуждения от самого себя, своего внутреннего «я» [5]. Человек начинает считать себя неправильным, не соответствующим общепринятой норме, отклонением от некоего стандарта. Внутреннее отчуждение от собственной культурной идентичности ломало ментальность человека, принижая его самооценку, обезличивая его.

Пикола росла, не видя любви родителей, не встречая доброго отношения соседей, одноклассников, и она пытается найти причину этого. Ей кажется, что она недостойна любви и дружбы, потому что она некрасива. Семья Бридлавоу несчастна, как кажется на первый взгляд, из-за «общего безобразия», «да они и сами были уверены, что являются образцом безжалостно-агрессивного безобразия». Описывая непривлекательную внешность членов семьи Пиколы, которые носили свое безобразие как платье, Т. Моррисон отмечает, что оно не являлось их неотъемлемой чертой. Причина заключалась в том, что «они сами убеждены в своей уродливости», «такое ощущение, будто некий повелитель, таинственный и всезнающий, вручил каждому из них этакий «плащ безобразия» и велел носить, не снимая. И они безропотно его приказу подчинились» [1, с. 60]. Миссис Бридлав, мать Пиколы, воспринимала этот «плащ» как реквизит для исполнения выбранной для себя роли мученицы. А Пикола просто пряталась под своим «плащом» как под маской.

Миссис Бридлав, работая на «белую» семью, словно восполняла их домом все, чего ей не хватало в своей собственной жизни, по сути, променяв свою жизнь на жизнь хозяев. Она одаривает дочь хозяев любовью, которую не находит для собственных детей. Она наводит идеальную чистоту и готовит замечательные блюда для хозяев, при этом не находя желания благоустроить свой собственный дом и баловать гастрономическими изысками свою семью. Она живет полной жизнью, только будучи на работе, т.е. посвятив себя служению «белой семье», тем самым, отказавшись от себя, своей личной жизни, лишая внимания и любви своих собственных детей.

Образ миссис Бридлав служит свидетельством того, что продление тлетворного влияния культурной травмы часто оказывается результатом собственного выбора человека, согласия или отказа подвергнуться воздействию травмирующих паттернов социальных отношений. «Независимо от того, сталкивались ли они непосредственно с рабством или даже от того, были ли у них предки, которые сталкивались с ним, чернокожие в Соединенных Штатах отождествлялись с рабством и стали отождествлять себя с ним... чернота стала ассоциироваться с рабством и подчинением. Таким образом, общая история была приписана и вписана в память, а также передавалась по наследству. В этом смысле рабство травмирует тех, у кого общая судьба и не обязательно общий жизненный опыт» [4, с. 75]. Т. Моррисон показывает, как культурная травма передается от поколения к поколению, перевоссоздается вновь и вновь внутри семьи. Это находит выражение в разрыве отношений между членами семьи или приводит, как произошло в случае с Пиколой, к моральному и физическому насилию, расстройству ее когнитивной системы. Семья Пиколы приняла сформированные и навязанные расовой дискриминацией оценки в отношении своего сообщества и была поражена тем, что Р. Айерман назвал «рабством разума».

В романе «Самые голубые глаза» Т. Моррисон показывает два уровня отчуждения Пиколы: от «белой» Америки и от афроамериканского сообщества. Филип Пейдж писал о том, что в своих дальнейших романах Тони Моррисон раскрывает отражение разделенной Америки на «белую» и «черную» на формирование афроамериканской идентичности: «Эта проблема, фундаментальная для афроамериканской художественной литературы, пронизывает содержание и форму ее романов, поскольку романы переосмысливают озабоченность американцев и афроамериканцев слиянием и фрагментацией, а также пересматривают напряженность между биполярными оппозициями» [16, сс. 81–82]. Следует отметить, что в анализируемом нами романе Т. Моррисон сосредоточена не столько на исследовании биполярной расовой оппозиции, сколько на изображении того, что в условиях расовой сегрегации происходит внутри одного из полей этого противостояния. Романистка показывает, что расово обусловленные социальные отношения, царящие в обществе, пронизывают и отравляют отношения между членами дискриминируемого сообщества, а также проникают внутрь афроамериканских семей и разрушают родственные узы. Данное обстоятельство есть свидетельство непроработанности сообществом культурной травмы, что и делало возможным ее продолжающееся воздействие на новые поколения. Трагическим являлся тот факт, что теперь афроамериканец подвергнулся расовой дискриминации не только со стороны «белых» американцев, но и внутри собственного сообщества, со стороны других афроамериканцев, даже членов своей семьи.

Так, Пикола страдает не только от собственной «невидимости» для «белых» и их отторжения ее как человека, но и от неприятия ее со стороны собственного сообщества – афроамериканцев. Она становится для них словно воплощением, средоточием, концентрированным носителем всего того, что они не принимают в себе. В ничем не мотивированном со стороны Пиколы буллинге по отношению к ней одноклассники обнажают свои потаенные комплексы, свою ущербность. Это – и сцена с мальчиками, унижающими Пиколу, и слова вышвыривающей девочку из своего дома Жеральдины «Пошла вон из моего дома, маленькая мерзкая черная сучка» [1, с. 148]. Как отмечает

М.Ф. Хелали, для Жеральдины Пикола – «олицетворение черноты и всего того, что она пытается подавить...» [18, с. 55]. Жеральдина пыталась стереть «черноту», присутствующую в ее, цветной женщины, жизни, как стирала свидетельства «черноты» в облике своего сына. Так, она не любила, когда он играл с «ниггерами». Т. Моррисон пишет о ней: «Она давно объяснила, в чем разница между цветными и неграми. Отличить их было легко. Цветные всегда были аккуратными и тихими, а негры – грязными и шумными. Джуниор (сын Жеральдины. – А.М.) принадлежал к первой группе – он носил белые рубашки и синие брюки; его волосы были подстрижены максимально коротко, чтобы исключить любое предположение о «негритянской шерсти»; это, помимо матери, вбил ему в голову еще и парикмахер. Зимой мать мазала ему лицо лосьоном «Джергенс», чтобы на холоде его кожа не приобретала пепельного оттенка, потому что при всей его светлокожести оттенок этот все-таки порой у него проявлялся» [1, с. 139].

Пикола, став объектом неприятия своего окружения и собственной семьи, осталась одна на один со своими мыслями, вопросами, комплексами. Для нее эта ситуация становится критической, экзистенциальной. Одиннадцатилетняя девочка пытается найти выход из положения, в котором она оказалась, – положения изгоя и маргинала. После долгих размышлений она приходит к выводу, что ее причины ее несчастья заключаются в «черноте» и непривлекательной внешности. При этом Т. Моррисон, описывая внешность Бридлавоу как «безобразную», оговаривается, что «приглядишься – и тебе уже кажется, что причины для подобного утверждения вовсе и нет» [1, с. 60]. Убеждение Бридлавоу в собственной непривлекательности зиждилось на существующих в американском обществе стандартах красоты.

Представление о красоте было обусловлено концепцией расы, «белизна» считалась нормой и всякой отклонение от нее отдаляло от этого канона. Темная кожа априори делало невозможным приближение к образцу «нормы». За четыре века рабства «чернота» стала признаком второсортности, непривлекательности. Расовая концепция, утверждавшая интеллектуальное, моральное превосходство «белых», стала распространяться на внешние характеристики. Данная установка уже после отмены рабства получала институализацию и продвижение средствами литературы, кино, культурных артефактов, моды и т.п. С другой стороны, распространялось вульгарное представление о неполноценности, нецивилизованности, карикатурности, глупости, физической непривлекательности афроамериканцев. Таким образом, в американском обществе закрепился определенный канон красоты и нормы.

Нельзя не согласиться с М.Ф. Хелали, который пишет: «В таком больном и одержимом властью обществе чернокожий человек видит культуру белых и расовые образы, проецируемые на окружающую вселенную. Таким образом, он не может не осознавать, что на протяжении большей части своей жизни он видит “нулевой образ” самого себя. Чернокожий ребенок развивается от детства к взрослой жизни, постоянно видя в фильмах белых героев, и его косвенно убеждают в том, что он тоже должен быть белым» [18, с. 41]. Этот императив вновь ведет к отчуждению афроамериканца от самого себя, поскольку «белое» – это норма, а он – другой, инаковый, отклонение от нормы.

Пикола чувствует себя несчастной, и все больше погружается в апатию, депрессию, поскольку понимает, что она не может соответствовать нормам красивого. Она не пытается бороться и убеждать себя, что она может быть красивой, потому что зависит от общественного мнения и смотрит на себя сквозь призму этого «общественного» взгляда. Девочка не может бороться с доминирующими в обществе эстетическими вкусами, т.к. слишком мала и, главное, не видит в своей семье примера иного отношения к навязываемым стандартам и нормам. М. Перейра подчеркивает, что роман «сосредоточен на колонизирующем влиянии красоты белой женщины на чернокожую девушку и ее сообщество» [17, с. 227].

Пикола, по примеру матери, стремится ко всему, что олицетворяет недоступный ей красивый «белый» мир. Она покупает конфеты «Мэри Джейн» с изображением улыбающегося белого личика маленькой модели – Мэри Джейн: «Светлые волосы в приятном беспорядке, глаза, естественно, голубые, вокруг – мир абсолютного комфорта и чистоты» [1, с. 80]. Такой видит Пикола девочку на фантике от конфеты. Для нее «в определенном смысле съесть эту конфету значит съесть эти злые голубые глаза, съесть Мэри Джейн. Полюбить Мэри Джейн и стать ею» [1, с. 81].

В романе упоминаются эталоны красоты – актрисы кино, танцовщицы, модели: Грета Гарбо, Джинджер Роджерс, Джин Харлоу, девочки-актрисы Ширли Темпл и Джейн Уизерс. Все они – «белые». Других эталонов красоты афроамериканские дети не видели по причине их отсутствия, т.е. другого образца для подражания не было, а имеющийся был недостижим из-за цвета кожи. Следовательно, афроамериканская девочка должна была смириться с собственным «несовершенством» и восхищаться миром «белой» Америки. М. Перейра пишет о том, что одержимость эталоном белой женской красоты «делает чернокожих женщин и девочек невидимыми» [17, с. 229]. Трагедия заключалась в том, что выбор и принятие собственной «невидимости» приводил к отказу личности от собственного «я», своей идентичности.

Пикола интуитивно чувствует, что неприятие ее людьми несправедливо. Она мечтает о любви или, как минимум, увидеть мир иным – ярким, дарующим гармонию и спокойствие. Ей кажется, что именно таким видят мир девочки с голубыми глазами. И тогда Пикола находит решение своей проблемы в обладании чем-то, что, как ей кажется, вызывает любовь окружающих и окрашивает мир в яркие краски, – голубыми глазами. Она мечтает о голубых глазах в надежде получить любовь, положить конец своему положению изгоя. Девочка верит, что, если бы она стала обладательницей голубых глаз, то и «сама она наверняка стала бы другой». Т. Моррисон повествует: «Каждую ночь Пикола неустанно молила Бога подарить ей голубые глаза. Молила страстно. В течение целого года. И хотя была несколько обескуражена неудачей, но надежды не потеряла. Она понимала: чтобы случилось что-то столь чудесное, нужно много времени и усердия» [1, сс. 73–74]. Девочка надеялась, что голубыми глазами она увидит мир иным: красивым, ярким, счастливым, отзывчивым, внимательным к ней. В итоге она сходит с ума, поверив, что ее глаза стали голубыми.

Пикола – не жертва своей неисполнимой мечты. Она – жертва культурной травмы, продолжающей ломать судьбы людей. Никто не помог Пиколе принять свою собственную природу, собственное «я», и ее идентичность оказалась настолько поражена, что привела ее к отказу от себя и, в конечном счете, к сумасшествию.

Соломон О. Иэсер и Марлу В. Иэсер отмечают, что романы Т. Моррисон «осуждают несправедливость из всех источников, будь то белые или афроамериканцы. Она выступает против стереотипных и часто преобладающих представлений о том, что идентичность, смысл и ценность афроамериканцев зависят от гегемонии белых» [15, с. 5]. Романистка считает, что решение проблемы – в выборе афроамериканцев. Часть из них уже проработала культурную травму и обрела гармонию с собой, своей природой. В романе «Самые голубые глаза» это – семья Мактиров. Клаудиа Мактир, от лица которой ведется значительная часть повествования в романе, немного младше одиннадцатилетней Пиколы. Клаудиа, воспитанная примером своих раскрепощенных, не страдающих комплексом неполноценности родителей, задается вопросом о причине всеобщего восхищения голубоглазой желтоволосой куклы с нежно-розовой кожей, при виде которой «взрослые всегда так цокали языком, что нетрудно было догадаться: с их точки зрения, эта кукла, безусловно, воплощает самое заветное желание любой маленькой девочки» [1, с. 29]. Клаудиа же испытывала к таким куклам отвращение и «втайне даже боялась их круглых тупых глаз, круглого, как лепешка, лица и волос цвета апельсиновых гусениц» [1, с. 30]. Клаудиа недоумевает, почему люди при виде «белых» детей «смотрят на них и вздыхают от восхищения, а на меня и не глядят. Ах, каким

мягким и нежным становился брошенный вскользь взгляд той или иной чернокожей женщины, когда она сталкивалась с такой девочкой на улице; как ласково, с пылом собственниц, прижимали они к себе белых младенцев!» [1, с. 35]. Ответов она пока не находила. Но бунт в ней зрел и грозил превратить ее в одну из тех, кто будет ломать стереотипы.

Думается, неслучайно Т. Моррисон именно Клаудии Мактир доверяет большую часть повествования и финальный комментарий романа. Клаудия своим непосредственным, незашоренным взглядом на мир видит и интуитивно чувствует то, что далеко не все взрослые способны осознать, как следствие трагического прошлого, культурной травмы, нанесенной сообществу. Клаудия задается многочисленными вопросами о причинах доминирования англосаксонских стандартов и желает добраться до смыслов. В противном случае отсутствие ответов и кризис смыслов способны привести к кризису идентичности.

Заключение

В романе «Самые голубые глаза» Т. Моррисон рассматривает сложный комплекс последствий культурной травмы. Романистка показывает, как культурная травма воздействует на неокрепшие души детей, их идентичность, мировосприятие, оценочные критерии. Культурная травма не может быть преодолена отдельным человеком, но коллективное усилие сообщества способно защитить детей от ее разрушающего воздействия. Коллективное усилие подразумевает проработку культурной травмы с целью определения ее причин, признаков и исключения условий для их рецидива.

Осуществленный анализ романа позволяет сделать вывод о том, что культурная травма оставляет долгий след в психике, умах людей. Еще почти век после отмены рабства, сформированные им паттерны поведения, социальные нормы, стандарты красоты продолжали существовать и оказывать свое влияние на идентичность новых поколений афроамериканцев.

Т. Моррисон проблематизирует вопрос о тесной взаимосвязи культурной травмы и идентичности. Трагедия героини романа уходит корнями в прошлое сообщества, отмеченное рабством, и продолжающейся практикой расовой дискриминацией. Переживаемый Пиколой кризис идентичности непосредственно связан с неотрефлексированной сообществом культурной травмой, в основе которой лежит опыт расизма и расовой сегрегации. Признаками продолжающегося влияния культурной травмы на идентичность членов сообщества являются заниженная самооценка, психологическая уязвимость, отчуждения от собственного «я», принятие дискриминирующих оценок и поведенческих норм, а также ложных этических и эстетических представлений.

Роман Тони Моррисон «Самые голубые глаза» становится актом проработки культурной травмы. Т. Моррисон убеждена, что только реконструкция культурной травмы позволит исключить ее негативное влияние на формирование коллективной идентичности сообщества. Оформление травмирующего опыта в виде нарратива позволяет отрефлексировать трагический опыт и способствует общественному обсуждению проблемы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моррисон Т. Самые голубые глаза. – М.: Эксмо, 2023. – 352 с.
2. Neal A. National Trauma and Collective Memory: Major Events in the American Century. – Armonk, NY: Sharpe, 1998. – 224 p.
3. Карут К. Травма, время и история // В кн.: Травма: Пункты. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 561–581.
4. Smelser N. J. et al. Psychological trauma and cultural trauma // Cultural trauma and collective identity. – 2004. – Т. 4. – P. 31-59.
5. Eyerman R. Cultural trauma: Slavery and the formation of African American identity. – Cambridge University Press, 2001. – 300 p.

6. Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Framework. – 1989. – №36. – P. 222–237.
7. Alexander C.J. Toward a Theory of Cultural Trauma // Cultural Trauma and Collective Identity. – 2004. Ch. 1. – P. 1–31.
8. Бегманова Б.С. Қазіргі қазақ лирикасындағы ұлттық құндылықтар көрінісі // Ясауи университетінің хабаршысы. – 2025. – №1 (135). – Б. 125–135. <https://doi.org/10.47526/2025-1/2664-0686.150>
9. Кембаева А.Т., Жұбай О.С., Екер С. Шерхан Мұртаза шығармашылығындағы көркем және публицистикалық дискурстағы ұлттық діл көрінісі // Ясауи университетінің хабаршысы. – 2025. – №1 (135). – Б. 185–197. <https://doi.org/10.47526/2025-1/2664-0686.155>
10. Маткеримова Р.А., Калиева А.К., Хабибулла А. «Человек без имени»: геопозитика и кризис идентичности в повести Николая Веревоочкина // Ясауи университетінің хабаршысы. – 2025. – №3 (137). – С. 208–218. <https://doi.org/10.47526/2025-3/2664-0686.245>
11. Крупко И.В., Әшімова С.А. 1960 жылдардағы Олжас Сүлейменов шығармашылығындағы қазақтардың көшпелілер мәдениетінің тарихи маңызын қайта жандандыру арқылы мәдениеттің жетіспеушілігін жою // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». – 2022. – № 4(108). – С. 98–109. <https://doi.org/10.31489/2022NPh4/98-109>
12. Айтенова А.А., Қайратұлы С. «Мәдени жаракат» – әлеуметтік өзгерістерді зерттеу тәсілі // Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Хабаршысы. Философия, мәдениеттану, саясаттану сериясы. – 2022. – №2 (80). – Б. 79–91. <https://doi.org/10.26577/jpcp.2022.v80.i2.08>
13. Ержан З.М., Масалимова А.Р. Теория травмы: траектории эмпирических исследований // Вестник Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Серия: Философия, Культурология, Политология. – 2024. – №1 (87). – С. 24–33. <https://doi.org/10.26577/jpcp.2024.v.87.i1.03>
14. Демесинова Л.М., Әубәкір Ж.М. Абайдың «толық адам» ілімі жаракат зерттеулері негізінде // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. Филология сериясы. – 2025. – №3 (152). – Б. 167–180. <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2025-152-3-167-180>
15. Iyasere O.S., Iyasere W.M. Career, Life, and Influence on Toni Morrison // In: Critical Insights Toni Morrison. Editors Solomon O. Iyasere and Marla W. Iyasere. – California: Published by Salem Press, 2010. – P. 3–9. [Electronic resource]. URL: <https://vdoc.pub/documents/toni-morrison-5isfibt8s8q0> (date of access 12.09.2024)
16. Page Ph. Morrison’s Novels as Texts, Not Works // In: Critical Insights Toni Morrison. Editors Solomon O. Iyasere and Marla W. Iyasere. – California: Published by Salem Press, 2010. – P. 81–92. [Electronic resource]. URL: <https://vdoc.pub/documents/toni-morrison-5isfibt8s8q0> (date of access 12.09.2024)
17. Pereira M.W. Periodizing Toni Morrison’s Work from The Bluest Eye to Jazz: The Importance of Tar Baby // In: Critical Insights Toni Morrison. Editors Solomon O. Iyasere and Marla W. Iyasere. – California: Published by Salem Press, 2010. – P. 224–233. [Electronic resource]. URL: <https://vdoc.pub/documents/toni-morrison-5isfibt8s8q0> (date of access 12.09.2024)
18. Helaly M.F. An Existential Reading of Toni Morrison’s Fiction. Chapter Two: Personal Existence Between Acceptance and Rejection in the Bluest Eye. – Saarbrücken: Scholar’s Press, 2016. – P. 39–66. [Electronic resource]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/327572071> (date of access 12.09.2024)
19. Yahya S.H. Race and Gender in Toni Morrison’s Beloved // International Journal of Advanced Research. – 2017. – №5(2). – P. 630–637.
20. Morrison T. Playing in the Dark // In: Rivkin J., Ryan M. Literary Theory: An Anthology. Third Edition. – John Wiley&Sons, 2017. – P. 1163–1173.
21. Kristeva J. Women’s Time // Signs. – 1981. – Vol. 7, №1. – P. 13–35.

REFERENCES

1. Morrison T. Samye golubye glaza [The Bluest Eye]. – М.: Eksmo, 2023. – 352 s. [in Russian]
2. Neal A. National Trauma and Collective Memory: Major Events in the American Century. – Armonk, NY: Sharpe, 1998. – 224 r.
3. Karut K. Travma, vremia i istoria [Trauma, Time, and History] // V kn.: Travma: Punkty. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. – S. 561–581. [in Russian]

4. Smelser N.J. et al. Psychological trauma and cultural trauma // Cultural trauma and collective identity. – 2004. – T. 4. – P. 31-59.
5. Eyerman R. Cultural trauma: Slavery and the formation of African American identity. – Cambridge University Press, 2001. – 300 p.
6. Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Framework. – 1989. – №36. – R. 222–237.
7. Alexander C.J. Toward a Theory of Cultural Trauma // Cultural Trauma and Collective Identity. – 2004. Ch. 1. – R. 1–31.
8. Begmanova B.S. Qazirgi qazaq lirikasyndagy ulttyq qundylyqtar korinisi [Qazirgi qazaq lirikasyndagy ulttyq qundylyqtar korinisi] // Iasau universitetinin habarshysy. – 2025. – №1 (135). – B. 125–135. <https://doi.org/10.47526/2025-1/2664-0686.150> [in Kazakh]
9. Kembraeva A.T., Zhubai O.S., Eker S. Sherhan Murtaza shygarmashylygyndagy korkem zhane publicistikalyq diskurstagy ulttyq dil korinisi [National Mentality in Artistic and Publicistic Discourse in the Works of Sherkhan Murtaza] // Iasau universitetinin habarshysy. – 2025. – №1 (135). – B. 185–197. <https://doi.org/10.47526/2025-1/2664-0686.155> [in Kazakh]
10. Matkerimova R.A., Kalieva A.K., Habibulla A. «Chelovek bez imeni»: geopoetika i krizis identichnosti v povesti Nikolaia Verevochkina [“The Man Without a Name”: Geopoetics and Identity Crisis in Nikolay Verevochkin's Novella] // Iasau universitetinin habarshysy. – 2025. – №3 (137). – S. 208–218. <https://doi.org/10.47526/2025-3/2664-0686.245> [in Russian]
11. Krupko I.V., Ashimova S.A. 1960 zhyldardagy Olzhas Suleimenov shygarmashylygyndagy qazaqtardyn koshpeliler madenietinin tarihi manyzyn qaita zhandandyru arqyly madeniettin zhetispeushiligini zhoiu [Overcoming cultural trauma through re-invention of the historical agency of the Kazakh nomadic culture in the works of Olzhas Suleimenov in the 1960s] // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seria «Istoria. Filosofia». – 2022. – № 4(108). – S. 98–109. <https://doi.org/10.31489/2022HPH4/98-109> [in Kazakh]
12. Aitenova A.A., Qairatuly S. «Madeni zharaqat» – aleumettik ozgeristerdi zertteu tasili [Cultural trauma as a method of studying social change] // Al-Farabi atyndagy QazUU Habarshysy. Filosofia, madeniettanu, saiasattanu seriasy. – 2022. – №2 (80). – B. 79–91. <https://doi.org/10.26577/jpcp.2022.v80.i2.08> [in Kazakh]
13. Erzhan Z.M., Masalimova A.R. Teoria travmy: traektorii empiricheskikh issledovani [Trauma theory: trajectories of empirical investigations] // Vestnik Kazahskogo nacionalnogo universiteta im. Al-Farabi. Seria: Filosofia, Kulturologia, Politologia. – 2024. – №1 (87). – S. 24–33. <https://doi.org/10.26577/jpcp.2024.v.87.i1.03> [in Russian]
14. Demesinova L.M., Aubakir Zh.M. Abaidyn «tolyq adam» ilimi zharaqat zertteuleri negizinde [Abai's Concept of the “Moral Personality” through the Lens of Trauma Studies] // L.N. Gumilev atyndagy Eurazia ulttyq universitetinin habarshysy. Filologia seriasy. – 2025. – №3 (152). – B. 167–180. <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2025-152-3-167-180> [in Kazakh]
15. Iyasere O.S., Iyasere W.M. Career, Life, and Influence on Toni Morrison // In: Critical Insights Toni Morrison. Editors Solomon O. Iyasere and Marla W. Iyasere. – California: Published by Salem Press, 2010. – R. 3–9. [Electronic resource]. URL: <https://vdoc.pub/documents/toni-morrison-5isfibt8s8q0> (date of access 12.09.2024)
16. Page Ph. Morrison's Novels as Texts, Not Works // In: Critical Insights Toni Morrison. Editors Solomon O. Iyasere and Marla W. Iyasere. – California: Published by Salem Press, 2010. – R. 81–92. [Electronic resource]. URL: <https://vdoc.pub/documents/toni-morrison-5isfibt8s8q0> (date of access 12.09.2024)
17. Pereira M.W. Periodizing Toni Morrison's Work from The Bluest Eye to Jazz: The Importance of Tar Baby // In: Critical Insights Toni Morrison. Editors Solomon O. Iyasere and Marla W. Iyasere. – California: Published by Salem Press, 2010. – R. 224–233. [Electronic resource]. URL: <https://vdoc.pub/documents/toni-morrison-5isfibt8s8q0> (date of access 12.09.2024)
18. Helaly M.F. An Existential Reading of Toni Morrison's Fiction. Chapter Two: Personal Existence Between Acceptance and Rejection in the Bluest Eye. – Saarbrücken: Scholar's Press, 2016. – R. 39–66. [Electronic resource]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/327572071> (date of access 12.09.2024)
19. Yahya S.H. Race and Gender in Toni Morrison's Beloved // International Journal of Advanced Research. – 2017. – №5(2). – P. 630–637.

20. Morrison T. Playing in the Dark // In: Rivkin J., Ryan M. Literary Theory: An Anthology. Third Edition. – John Wiley&Sons, 2017. – R. 1163–1173.
21. Kristeva J. Women's Time // Signs. – 1981. – Vol. 7, №1. – R. 13–35.

Cultural Trauma and the Problem of Identity in Toni Morrison's Novel "The Bluest Eyes"

Abstract. The article analyzes the problems of the novel "The Bluest Eyes" by the 1993 Nobel laureate T. Morrison within the framework of the latest critical theories – the theory of cultural trauma and the concept of identity. The author of the article focuses on the concept of trauma as a subject of research, ways of expressing and overcoming it through the creation of narratives. A review of the literature allows us to determine the degree of development of the theory of cultural trauma and the problem of identity in modern literary criticism. The object of the analysis is the image of the main character and the identity crisis she is experiencing. When considering a literary text, special attention is paid to the ways and forms of presenting traumatic experiences and their devastating effects on human identity. The analysis undertaken in this article is carried out in the context of the development of African-American literature in the 1960s and 1970s, i.e. at the peak of the African-American civil rights movement. The content of the article contributes to the problematization of issues included in the field of cultural trauma theory and the actualization of the problem of identity of a marginal, once discriminated social group. This circumstance determines the relevance of the article, the analysis of the narrative about the trauma of which is applicable not only for literary analysis, but also for the study of individual and collective trauma in sociology, psychology, as well as in the field of interdisciplinary research.

Keywords: cultural trauma, identity, discrimination, African-American, marginality.

Тони Моррисонның «Самые голубые глаза» («Ең тұнық көздер») романындағы мәдени жарақат пен бірегейлік мәселесі

Аңдатпа. Мақалада 1993 жылғы Нобель сыйлығының лауреаты Т. Моррисонның «Ең тұнық көздер» романындағы көркемдік және идеялық мәселелер мәдени жарақат теориясы мен бірегейлік тұжырымдамасы аясында қарастырылады. Автор зерттеу нысаны ретінде жарақат ұғымына, оның көрініс табу тәсілдеріне және нарратив арқылы еңсерілу жолдарына назар аударады. Әдебиеттерге жасалған шолу қазіргі әдебиеттануда мәдени жарақат теориясы мен бірегейлік мәселесінің зерттелу деңгейін айқындауға мүмкіндік береді. Талдау нысаны ретінде басты кейіпкердің бейнесі мен оның бастан кешкен тұлғалық дағдарысы алынады. Көркем мәтінді талдау барысында травматикалық тәжірибені бейнелеу тәсілдері мен оның адамның тұлғалық тұтастығына тигізетін әсеріне ерекше көңіл бөлінеді. Мақаладағы талдау 1960–1970 жылдардағы афроамерикалық әдебиеттің даму кезеңі, яғни азаматтық құқықтар қозғалысының шарықтау дәуірі контекстінде жүзеге асырылады. Зерттеу мазмұны мәдени жарақат теориясы аясындағы өзекті мәселелерді айқындауға және бұрын кемсітілген маргиналды әлеуметтік топтардың бірегейлік проблемасын өзектендіруге бағытталған. Мақалада қарастырылған тұжырымдар тек әдебиеттану саласында ғана емес, сондай-ақ әлеуметтану, психология және пәнаралық зерттеулерде жеке және ұжымдық жарақатты зерделеуде де қолданыс таба алады.

Кілт сөздер: мәдени жарақат, бірегейлік, кемсіту, афроамерикалық, маргиналдылық.

Сведения об авторе

Мустоянова А.Т. – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, e-mail: mustoyanova2017@gmail.com, Казахстан, г. Караганды.

Information about the author

Mustoyanova A.T. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Buketov Karaganda University, e-mail: mustoyanova2017@gmail.com, Kazakhstan, Karagandy.

Автор туралы мәлімет

Мұстоюнова А.Т. – филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Е.А. Бөкетов атындағы Қараганды университеті, e-mail: mustoyanova2017@gmail.com, Қазақстан, Қараганды қ.